

НЕУЛОВИМЫЙ ЖАН

Небольшие листочки бумаги, исписанные неровным почерком, полусловами-намекami. Неосведомленный человек не поймет, о чем в них говорится. Только для тех, кто знает, где, при каких обстоятельствах и кем были написаны эти записки, каждое слово приобретает особый смысл и значение.

«Дорогая патриотка!—говорится на первом листке. — Я от души тебе благодарен, за меня будь уверена, ты разве не видишь мои страдания. Я умру, но не назову. Мы оба с тобой кандидаты смерти. Тебе все это понятно. Твое спасение—это мое спасение. Тебя я не забуду никогда. Видишь, наша медлительность до чего довела. Будь сама крепка, я о тебе никогда и никому. Латыша очень не бойся, но и не выкажи, что со мной связана. Мой чаще, воду лей

Кабушкин И. К.

там, где все получаю. Тут она не будет разливаться, и я приспособлю место, и тут много чище и удобно — угол и щель. Жму руку и крепко целую.

Страна тоже отблагодарит».

...Темная, без окон конура подвала. Короткая и узкая, как гроб. Только сквозь щели в двери и под потолком пробиваются тусклые полосы света. За дверью неторопливые шаги, тихий разговор — мужской и женский голоса. Мужской — повелительный, женский — покорный. Два-три слова, и снова тишина.

Сбоку, из соседней камеры, донесся резкий, отрывистый спор на незнакомом языке. Там ругались. Мужской голос за дверьми произнес что-то грозно, решительно, и спор оборвался так же, как и начался.

Сквозь непрерывный звон в ушах, сквозь пронизывающую, мучительную боль во всем избитом теле все эти посторонние звуки улавливались и отпечатывались в памяти с какой-то необыкновенной выразительностью. Запоминалось все — до оттенков голоса, до шелеста бумаги. Обостренное сознание искало возможности спасения.

А спасение возможно. Даже отсюда, из застенков Минского СД, можно убежать, Жан убежден в этом. Он все продумал, все взвесил. Расчет психологический — на неожиданность, на дерз-

кую неожиданность. Вся суть в том, что фашисты не предполагают, что так можно. Успех замысла в руках той, что тихо и покорно разговаривает там, за дверью, с начальником охраны. Она может спасти Жана и себя. Для этого нужно сделать не так уж много. Жан написал об этом:

«Дорогая! Какой удобный случай, а ведь ты сегодня сама его создала. Нет другого удобного плана, как этот. Этих запирают (Жан имел в виду соседей по камере), он уходит — ты хозяйка! Ты возьми 50 марок, купи или утащи грязный халат или вроде этого, положи в карманы грязных тряпок в бензине, в масле и т. д., чтобы я мог вымазаться. Халат пока спрячь, а когда подберешь ключ, то его спрячь в уборную за трубу или еще куда-нибудь. В день побега ключ быстро подбирай. Который не пойдет в отверстие, дай мне, я поточу. Медлить нельзя, ибо я еще не так запущен, могу двигать ногами. Начнут бить скоро, лицо испортят, тогда все пропало. Завтра дам подробно этот план наверняка, и ты сделай только одно, я — все. Будешь мыть — дай воды в обед. Прочти внимательно. Целую».

У него было время обдумать этот план. Уже несколько дней, как его перестали бить, бросили в эту конуру и будто забыли. Даже перестали давать еду и воду.

А били крепко. Он даже сам удивился, как смог выдержать пытки. Несколько раз терял сознание.

Сначала его вежливо обхаживали. Уж очень хотелось фашистам завербовать его. Они знали цену этому человеку. Не легко он достался им. Охотились с 1941 года. Еще с тех пор завели на него дело. С каждым месяцем оно пухло. Но пухло своеобразно. Фашисты вели счет его делам, не зная его личности. Они вначале даже не были уверены, что это следы одного и того же человека.

Первую зарубку о себе он оставил осенью 1941 года. По дороге Логойск — Минск шла легковая автомашина. Сидевший рядом с шофером гитлеровский офицер был глубоко уверен в своей полной безопасности. Он проехал немало дорог по оккупированным землям и видел, какой страх внушает людям немецкое оружие. Не много встречалось охотников противостоять «новому порядку».

Вряд ли офицер успел сообразить, что с ним произошло. На крутом повороте, там, где над полотном шоссе нависает круча, поросшая кустарником, под машиной раздался оглушительный взрыв. В тот же момент по опрокинувшемуся «опелю» полоснула очередь автомата. Этого офицер, пожалуй, не

слышал. С него хватило и взрыва гранаты, которую швырнули сверху.

В следующее мгновение с кручи скатилось пять человек. Они быстро обыскали машину, забрали документы, оружие, небольшой чемодан с офицерским обмундированием и вскарабкались на кручу.

— Не забудь посыпать следы, — сказал старший тому, который шел сзади, — нас обязательно будут искать с собаками.

Старшим группы был Жан.

Многие знали его как Жана. Почему Жан? Собственное это имя или кличка? Объяснений на сей счет он никому не давал. Только много лет спустя после войны товарищи узнали, что так звала его молодая жена. А имя у парня самое что ни на есть славянское — Иван. Причуда жены пригодилась в подполье. Иван многим называл себя Жаном. Собственное имя надо было напрочно забыть. Этого требовала конспирация.

Было у него и другое подпольное имя — Александр, Сашка. И фамилии были разные: Назаров, Бабушкин. В одном районе города он Назаров, в другом — Бабушкин. Поди разберись, один это человек или разные. И абсолютно никто не знал, что он Иван Константинович Кабушкин, белорусский парень, волею судьбы проживший почти всю свою сознательную жизнь в Казани. Гитлеровским ищейкам было над чем ломать голову.

А он задавал им одну задачу за другой. На дорогах Минск — Логойск и Минск — Столбцы то и дело гремели меткие выстрелы по одиночным автомашинам, рвались под колесами гранаты. Вырисовывался почерк нападавших. Не требовалось больших усилий, чтобы определить его.

В Минске начали распространяться слухи о партизанах. Люди говорили о них шепотом, по секрету, только хорошо знакомым. И никто не догадывался, что партизаны эти живут в самом городе, что руководит ими веселый, разбитной парень, которого многие считали парикмахером.

Он официально нигде не работал, но документы у него были безупречные. Фашисты ни разу не придрались к нему. Тем более, что он часто ходил по городу с повязкой полицейского.

Очень здорово выручали его находчивость, веселый, беззаботный нрав и умение с первого слова сходить с людьми. И никто, даже близкие друзья не догадывались, что и веселость, и бесшабашность, и болтливость — это только маска хитрого и умного человека, способного выдавать себя не за того, кем он является на самом деле. Даже в своей компании он встревал в

любой разговор, вступал в спор, показывал себя сведущим в любом вопросе, но ни разу не выбалтывал того, чего не следовало говорить даже ближним. Так и утвердилась за ним репутация пижона, несерьезного человека, способного разве только волоочиться за женщинами.

Но в подпольном комитете партии лучше знали его способности. Ему обычно поручали ответственные задания, требовавшие риска, находчивости и сообразительности.

Зимой 1941/42 года Красная Армия развернула крупное наступление под Москвой. Под ее ударами фашисты покатились на Запад. У всех советских людей, оказавшихся на временно оккупированной территории, это вызвало прилив надежды и воодушевления. Минский подпольный комитет готовил восстание. Он рассчитывал вооружить находящихся в городе военнопленных, собрать все силы патриотов-минчан и еще до прихода Красной Армии очистить город от фашистов, обеспечить нашей армии марш без боев от Борисова через Минск до Баранович. Началась усиленная подготовка к восстанию.

Горком партии решил собрать сведения о наиболее важных фашистских укреплениях на пути Борисов — Барановичи. Член подпольного комитета Вячеслав Никифоров вызвал Жана на явку. Встреча состоялась на Червенском тракте, на квартире Ватика, так звали Никифорова.

— Нужны точные сведения о военных объектах фашистов в Барановичах, — пояснил Ватик задачу Жана. — Если встретись что-либо важное по пути, тоже примечай. Славка предложил послать вместе с тобой Деда, он оттуда родом.

Славка — подпольная кличка секретаря комитета. Лишь два-три человека в городе знали его настоящую фамилию: Казинец Исая Павлович. Даже Жан, который, как ему казалось, знал все, что делается в подполье, не знал, кто такой Славка и откуда он. Но с первой же встречи между ними установилось взаимное большое уважение и доверие. Распоряжения Славки были для Жана законом.

— Документы сами подготовите? — спросил Ватик.

— Ну конечно, это уже наша забота.

Документы и повязка полицейского у него были надежные. Но требовался пропуск в Барановичи. Сразу же от Ватика Жан отправился в городское бюро пропусков.

Там его хорошо знали как полицейского Сашу. Всякое появление этого балагура в городской управе вызывало оживление. Он приносил то веселый анекдот, то неожиданную байку,

то шутку над собой или над своими друзьями, как он называл сотрудников управы.

Заведывал бюро пропусков совсем юный, симпатичный парень, которого все ласково звали Зориком. К нему-то время от времени и наведывался Жан, когда требовалось получить пропуск за город или узнать, какие изменения произошли в оформлении фашистами документов.

Внешне, да и характерами Жан и Зорик — абсолютно различные люди. Если Жан ловко выдавал себя за весельчака и забуддыгу, то Зорика все знали как ласкового, стыдливого паренька, умеющего угодить любому начальнику. И мало кто предполагал, что есть между этими парнями и много общего. И бравада одного, и стыдливость другого — прикрытие, маска. Не многие знали, какой ловкий разведчик этот скромненький и ласковый мальчик, как умело справляется он со взрывчаткой, как умело распространяет коммунистические листовки. Смена пропусков, изменения паспортного режима, которые систематически производились фашистами в городе, тут же становились известны подпольщикам. Об этом постоянно заботился Зорик — Захарий Гало.

Жана он встретил как всегда приветливо, с тихой улыбкой.

— Проходи, Саша, садись и подожди немного, — сказал он, протягивая руку из-за стола. — Отпущу людей и поговорим.

В кабинете было много посетителей. Минчане пришли просить пропуска за город, чтобы обменять свое барахлишко на продукты. Высокого, статного полицейского (а Жан зашел с повязкой на рукаве) посетители встретили настороженно и тут же уступили ему место возле стола.

— У тебя что-нибудь срочное ко мне, Саша? — спросил Зорик.

— Подожду, отпущай людей...

— Тогда посиди здесь, а я снесу бумаги на подпись шефу. Проследи за порядком...

— Иди, не беспокойся, — ответил Кабушкин.

Зорик не задержался у шефа. Посетители ушли, и они остались вдвоем.

— Ну, говори.

— Мне нужно съездить к хорошим знакомым под Барановичи. Начальство не возражает, отпускает, — хитро подмигнул Зорику.

Тот улыбнулся.

— Так в чем дело? Все необходимые документы сегодня же будут готовы. Заходи сюда вечером, получишь...

Назавтра утром Жан со своим спутником ехал на захудалой подводе в сторону Баранович. Дорога велика, и балагурили, и молчали часами, внимательно вглядываясь во все, что встречалось на пути.

В Барановичах Жан пристально примечал военные объекты: казармы, гараж, оружейный парк. Орудия были расставлены в шахматном порядке, и не стоило большого труда пересчитать их. Приметил позиции зенитного дивизиона, не упустил, что грузится на платформы на железнодорожном узле.

На глухой улице недалеко от вокзала отпустил своего спутника к родным, которые жили в Барановичском районе, а сам направился в деревню Грабовец, к матери. Давно уже он не видел ее.

Встреча была неожиданной и радостной. Перебивая друг друга вопросами, они старались побольше узнать, что произошло с тех пор, как они расстались. А было это еще до войны.

Не просто к родным приехал Иван Кабушкин в деревню Грабовец. У самой деревни фашисты устроили большой аэродром. Надо было разведать, что творится здесь.

Несколько дней прогостевал Иван у матери. Односельчанам говорил, что служит в Минске в полиции, и те не приставали с расспросами. А сам все примечал, что делалось на аэродроме.

Долго задерживаться в Грабовце он не мог. И потому, что в Минске ждали его донесений, и потому, что он назначил своему спутнику встречу в Барановичах в определенное время, и потому, что долгое пребывание в деревне может привлечь внимание фашистской контрразведки. Иван собрался в обратную дорогу.

— Побудь еще, Ваня, — упрашивала мать. — Теперь кто знает, когда свидимся...

— Не могу, мама, дела...

По строгому секрету признался ей, что он не полицей, а связан с партизанами. Знал, что на мать можно положиться, не проговорится.

Это было его последнее свидание с матерью...

Ватик уже ждал его. Сведения, собранные разведчиком, были очень ценными.

— Молодчина, Жан, благодарю!

Довольный выполненным заданием, в отличном настроении

возвращался Жан на свою квартиру. Уже смеркалось, движение по улицам прекращалось. Редко где можно было заметить прохожего.

Но настороженность не покидала его. Это чувство стало постоянным. Вот и сейчас он не сразу открыл калитку, а прошагал мимо, зорко всматриваясь, что делается во дворе его квартиры.

Заметил, что от сарайчика отделился дюжий парень и пошел ему наперерез. Первым побуждением было ускорить шаги. Но и тот, сзади, заспешил. Тогда Жан бросился бежать. Перемахнул через забор и нырнул в густые кусты ягодника.

Сзади загрели выстрелы. Пули прозвенели над самой головой.

Сумерки скрыли его от преследователя.

Пришлось перебираться на жительство в другой район.

Сомнений не было, фашисты заприметили его. Это уже второе прямое нападение. Незадолго до поездки в Барановичи привязался и шел по пятам, пока Жан с другом не прикончили его. Теперь нужно быть особенно осторожным.

Вокруг Минска возникали и росли партизанские отряды. Подпольный комитет направил туда надежных людей и командирами, и политработниками, и бойцами. С отрядами нужно было держать связь. Для этого требовались смелые, находчивые люди. Жану поручили быть связным с 208 партизанским отрядом, которым командовал полковник Ничипорович.

С тех пор он больше времени находился в лесу. В Минск приезжал только для связи с подпольем. В архиве сохранился приказ:

«В связи с недостатком медикаментов и боеприпасов в отряде, а также чтобы установить связь с Логойским красным партизанским отрядом, приказываю:

1. Старшему помощнику начальника 2-го отдела штаба отряда лейтенанту т. Кабушкину и бойцу-партизану т. Саранину выехать в гор. Минск для приобретения по особому списку медикаментов, добыть боеприпасы, договориться о связи с Логойским красным партизанским отрядом и печатным способом выпустить листовки.

2. Для выполнения поставленной задачи выступить из расположения лагеря в 22.00 10/III-42 г. Вернуться в расположение отряда 16/III-42 г.».

Приказ подписали командир отряда Ничипорович, комиссар Покровский, начальник штаба Айрапетов.

Минск для Жана был уже знаком как родной дом. Здесь были его единомышленники, его верные боевые друзья. И Ничипорович знал, кому поручить такое ответственное задание.

Времени было в обрез, а предстояло повидать многих подпольщиков. Ведь задания командира отряда разнообразны: нужны и боеприпасы, и медикаменты, и типографское оборудование. Только с помощью крепкой подпольной организации за несколько дней можно раздобыть все это.

Первый визит — к Викторине Рубец, медицинской сестре, работавшей вместе с профессором Клуновым. Это один из важных каналов добычи медикаментов. Потом встреча с Володей Омелянюком, членом подпольного комитета. Он ведал вопросами пропаганды, типография — по его линии. Через него можно передать комитету просьбу о боеприпасах. У Володи хорошие связи с логойскими партизанами, об этом Жан давно знал. Значит, и этот вопрос к Володе.

На Немиге, в сером, неприметном домике, Жан разыскал нужную квартиру. Володя был не один. С ним за столом сидел высокий худощавый блондин с голубыми глазами. Он что-то оживленно говорил, а когда Жан переступил порог — замолчал.

Крепко пожав гостю руку, Володя представил ему:

— Жорж, мой старый приятель, заведующий аптекой.

— Очень приятно, — сказал Жан. — А мне сегодня везет на медиков. Вы, между прочим, мне очень нужны. Вернее говоря, медикаменты нужны.

— Много? — улыбаясь, спросил Жорж.

— Как можно больше.

Особые объяснения им не требовались. Коль уж судьба свела их у Володи, значит, они из одного лагеря и можно не особенно таиться. Жорж понял, что перед ним партизан.

— Кое-что можно придумать. Только, по правде говоря, вы не очень похожи на партизана... Не обижайтесь, пожалуйста...

Такое замечание развеселило Жана. Он звонко, от души рассмеялся. Ему вторил и Володя.

— Что, бороды не хватает? — хохоча спросил Жан. — Так вот вам борода... — И показал на Володю.

В целях конспирации Володя уже несколько месяцев отращивал рыжеватую, лопаточкой бородку.

— Не сомневайся, Жора, — подтвердил Володя, — Жан — настоящий боевой партизан. Дело свое хорошо знает, потому и не похож на лесного жителя. У него можно поучиться подпольной работе.

Тут же Жан выложил Володе нужды партизанского отряда. Тот пообещал, что в ближайшие дни все просьбы Ничипоровича будут выполнены.

— Передайте всем вашим партизанам, а в особенности Ничипоровичу, сердечный привет от горкома. Скажите, что мы гордимся вашими боевыми делами. О вашем бое у деревни Клинок ходят целые легенды. Мы все очень рады, что люди, посланные подпольным горкомом, с честью оправдывают доверие партии.

— Спасибо, — взволнованно ответил Кабушкин. — Все это передам Владимиру Ивановичу. Ему будет очень приятно услышать доброе слово горкома.

Встреча эта произошла за неделю до начала массовых арестов. Просьбу Ничипоровича горком еще успел выполнить.

А потом пришла тяжелая весть: подполье разгромлено, арестовано большинство членов горкома, очень много активистов.

Партизанский отряд Ничипоровича к этому времени перешел в Осиповичский район. Постоянно поддерживать с ним связь подпольщикам стало трудно — далеко. Да и в городе нужны были такие смелые и опытные подпольщики, как Жан. Он возвратился в Минск.

Вскоре после первого провала подпольный комитет был восстановлен. Организационная структура его изменилась с учетом приобретенного опыта. Созданы отделы. Обстановка требовала создать отдел по борьбе со шпионами и провокаторами. Возглавлять его было поручено Жану.

СД и Абвер усилили свою агентуру. Под видом советских патриотов в подполье старались проникнуть ищейки фашистских контрразведывательных органов из числа предателей Родины.

Об одном из таких сообщили Жану. Какой-то тип Иван Иванович, называющий себя советским подполковником, подбивает минчан идти в партизанский отряд, и тех, кто доверится ему, передает в СД. Жан вызвал на явку Ватика и рассказал ему об этом.

— Факты есть? — спросил Ватик.

— Я проверял, все подтверждается.

— Где он живет, знаешь?

— Приблизительно... Можно уточнить.

— Проследи за ним. Всех, кто готовит людей в партизанские отряды, мы знаем. Но это не значит, что без нас кто-либо не решится создать партизанский отряд. Прежде чем решать судьбу этого Ивана Ивановича, нужно убедиться в его преступлениях.

Проследи, кого он будет вербовать, узнай, когда будет отправлять людей в лес, и понаблюдай, куда поведет. Подтвердятся твои сведения — сразу докладывай, примем решение.

Самому Жану не нужно было следить за предателем. У него во всех районах были свои люди, на которых он мог положиться. Каждый шаг Ивана Ивановича был на учете.

Тем временем стало известно, что Иван Иванович подбирается к двум молодым паренькам Толику Левкову и Леонарду Лихтаровичу, которые не раз просили Жана помочь им перебраться в партизанский отряд. Они твердо не знали о подпольной работе Жана, но догадывались о ней и считали, что он как приятель должен оказать им содействие. А он словно забавлялся с ними — и не отказывал, и не обещал. Это только злило парней — хорош приятель, если не хочет помочь в таком важном деле.

Жан понимал, что они очень легко могут клюнуть на предложение Ивана Ивановича, и погибнут ни за грош. Нужно было спасти их от опрометчивого шага. Через своих людей он предупредил Толика и Лелика (как звали Леонарда), чтобы они не спешили отзываться на предложение Ивана Ивановича, а сам взялся вести личное наблюдение.

Очередную явку для желающих пойти в партизанский отряд Иван Иванович назначил возле военного кладбища. В указанное время Жан был на углу Долгобродской и Галантерейной улиц. Он делал вид, что испортился велосипед. Копаясь в колесах, внимательно наблюдал, как собирались минчане в небольшие группы. Потом подошел грузовик. В кабине рядом с шофером сидел Иван Иванович. Машина остановилась, мужчины быстро забрались в кузов. Грузовик поехал на Советскую улицу, и Жан на велосипеде не отставал от него.

Иван Иванович вез людей в центр города. Как ни трудно было гнаться за ними, Жан держался на таком расстоянии, что грузовик все время был на виду у него.

Доехав до улицы Володарского, грузовик круто повернул направо. Жан ожидал такого маневра, но сделал вид, что от резкого торможения упал. Переходя улицу, внимательно наблюдал, что делается с пассажирами грузовика.

Фашисты остановили машину и приказали всем сойти, потопав прикладами, тщательно обыскивали каждого и сбивали в одну кучу, окруженную немцами. Сомнений не оставалось — Иван Иванович сделал очередное черное дело.

Выслушав подробное донесение Жана, Ватик пообещал на следующий день сообщить решение горкома. Жан не сомневал-

ся, каким оно должно быть, но его дело было выполнять приказ, и он ждал, что сообщит представитель горкома. А получив приказ, направился к Толику и Лелику. Он принес им пистолет и сказал:

— Вы просились в партизаны. Есть такая возможность. Нужно только убрать провокатора. Иван Иванович, который сманивал вас в партизаны, — гестаповский шпик. Если вы уничтожите эту гадюку, подпольная партийная организация отправит вас в партизаны. Это как бы экзамен для вас.

Парни, не раздумывая, согласились. А через несколько дней Жану сообщили, что его задание выполнено. Провокатор уничтожен.

Не всегда он мог поручить такое дело кому-либо, приходилось и самому применять оружие. Всякий раз это было рискованное дело, но члены горкома никогда не слышали от него слов: «не могу».

Борьба с провокаторами и предателями — только часть работы, которая поручалась ему. Жан отличался редкостной неутомимостью и умением быстро ориентироваться на местности и разбираться в людях. Он был незаменимым связным с партизанскими отрядами. Поэтому все лето ему пришлось быть в походах. Вернется из одного отряда, его сразу же посылают в другой. С шутками и прибаутками он соглашается и опять отправляется в путь.

Только вдали от города, в отряде он чувствовал себя в безопасности. Там можно было отжаться своим мыслям, воспоминаниям. В один из таких походов в бригаду «Дяди Коли» он решил написать письмо родным жены, в далекую Казань. Где жена, он не знал. В первый день войны проводил ее на вокзал, а добралась ли она до Казани, кто мог сказать тогда!

Время от времени, когда в бригаду с Большой земли прилетал самолет, партизаны посылали весточки родным. Этой возможностью решил воспользоваться и Жан.

Присев на пенек, написал:

«Добрый день, дорогие папа и мама, а также Люда!»

Конечно, его мысли были прежде всего о жене. И он тут же приписал: «Может быть, Тамара дома (но это вряд ли). Или, может быть, вы имеете с нею связь, то передайте...»

Разве можно передать словами то, что он думал и переживал в ту минуту? И естественно, сама вырвалась фраза: «...Но что передать, и не знаю...»

Личное, сокровенное не доверишь бумаге. Лучше описать

то, чем жил он с первого дня войны, что перенес, переживал. Да и это не так просто высказать. Всего не передашь.

«Я являюсь красным партизаном, и этим званием горжусь, и вы гордитесь, что ваш близкий не в рядах холуев».

И не удержался, чтобы не описать ужасы фашистского хозяйничанья на оккупированной территории:

«В Минске есть парк культуры и отдыха, а напротив него в недостроенных помещениях находился лагерь военнопленных. Как их там били, морили голодом, даже воды не давали вволю! И результат — за шесть месяцев прошлого года 18 тысяч человек было брошено в ямы один на одного и поставлен памятник высотой около двух метров и шириной больше метра. Получается квадрат. На нем написаны фамилии и имена похороненных. Очень и очень много. А внизу с одной стороны написано: «2859 неизвестных» — и так с других сторон.

Всего не опишешь. Я сам свидетель и на сегодняшний день живой. Буду мстить за разрушение наших сел и городов, за издевательства...»

Отнес письмо в штаб и с облегчением вздохнул: теперь родные жены будут знать о нем и, если Тамара жива, сообщат и ей. Не предполагал, что письмо так и останется в штабных бумагах на целых два десятилетия и что его прочтут совсем не те, кому оно адресовано. Это будет весточка, посланная подпольщиком Иваном Кабушкиным к будущим поколениям, к тем счастливым, которые будут жить в мирное время, после великой Победы.

27 сентября Жан вместе со связной отряда «Дяди Коли» Ольгой Курильчик вернулся в город. Он принес взрывчатку и термитные пашки. Подпольный горком решил сжечь парашютную фабрику, вывести из строя ТЭЦ и водопровод. Для этой цели и получил Жан взрывчатку в партизанской бригаде.

Первые встречи с подпольщиками вызвали у него тревогу: несколько дней назад Ватик не пришел на явку, и с тех пор его никто не видел.

— Как же вы не поинтересовались, что с ним? — возмутился он спокойствием товарищей. — Вы же понимаете, что в подполье несоблюдение явки — чрезвычайное происшествие...

Тревога его была основательной. В городе начались аресты. Нужно было принимать дополнительные меры конспирации.

Он зашел к одной знакомой женщине — врачу и как бы в шутку спросил:

— Что нужно сделать, чтобы сразу стать брюнетом?

— А мне блондины больше нравятся, — шуткой ответила она.

— А если всерьез?

— Это не сложно. Подожди, я сбегаю в аптеку.

— Кстати,хвати там и черные очки.

Вскоре он склонился над умывальником, закрыл глаза, а хозяйка поливала его чуприну каким-то раствором и приговаривала:

— Хочешь быть красивым, так терпи...

Через час даже хорошие знакомые не узнали бы его. Хотя волосы стали черными, лицо как будто постарело на двадцать лет, еще больше вытянулось. Глаза скрылись под черными очками, фигура ссутулилась, длинная жилистая шея втянулась в плечи. Перемена была столь разительна, что хозяйка разочарованно воскликнула:

— Саша, ты ли это? Если бы не сама тебя переделала, не признала бы...

— Вот и хорошо, спасибо за помощь. Теперь долго не жди меня. Загляну только в случае крайней необходимости.

Поселился он теперь в доме № 2 на поселке Пушкина — окраине Минска. Хозяйка квартиры — подпольщица Мария Евдокимова приняла его как родного сына. У нее было двое сыновей-подростков, и они с первой встречи с Жаном крепко привязались к нему, старались во всем подражать старшему и опытному товарищу.

По городу продолжались аресты. Все подпольщики уже знали об этом. Некоторые успели перебраться в партизанские отряды. Другие затаились и ждали: пронесет или не пронесет, трети принимали меры, чтобы лучше законспирироваться самим и помочь в этом товарищам: подыскивали более надежные квартиры, меняли документы.

Встречи свели к минимуму. Вызывали друг друга на явку только в случае крайней необходимости.

Как ни опасно было в это время расхаживать по улицам, Жан ходил — нужно было выручать попавшего в беду товарища, искать новые, не примеченные фашистами квартиры. Он появлялся в разных районах города, по-разному одетый, вставлял или снимал золотую коронку с зуба, то ссутулился, словно старик, то держался молодцом, где надевал черные очки, где — обыкновенные, а где и без очков. Далеко не все подпольщики, с которыми он встречался прежде, узнавали его теперь.

Как-то его разыскала Виктория Рубец и сказала:

— Тебя ищет Володя Казаченок. Просил прийти на явку... И указала адрес.

Володя действительно ждал его.

— Есть предложение выпустить листовку по поводу арестов,— сказал он.— Фашисты увидят, что подполье действует, и тогда, может, облегчится участь арестованных. Они могут подумать, что схватили не причастных к подполью. Это одно. А главное, надо дать им почувствовать, что арестами они не остановят нашу борьбу. Сколько бы они ни свирепствовали, сопротивление им будет только возрастать. Согласен?

— Что за вопрос? Что мы должны сейчас сделать?

— Прежде всего выпустить листовку, как я уже сказал. Завтра соберемся, я приготовлю текст, обсудим.

Текст очень понравился Жану. Сжатый и яркий:

«Смерть немецким оккупантам!

К населению Белоруссии.

Товарищи!

Немецкий фашизм — этот смертельный враг всего прогрессивного человечества — находится на краю гибели.

Предчувствуя неизбежную и близкую катастрофу, неся огромные потери от могучих ударов Красной Армии на всех фронтах Великой Отечественной войны, деморализованная все более и более возрастающим партизанским движением, озверевшая банда гитлеровских головорезов снова направила свою звериную злобу против мирного населения Белоруссии. Снова кроважное СД, через своих ценных собак — провокаторов, стремится арестами, расстрелами, виселицами внести в наши ряды отчаяние и замешательство. Хищные звери — гестаповцы по приказу своего главного душителя и убийцы Гитлера думают затопить в крови могучее народное движение, рожденное мстостью и ненавистью к угнетателям нашей Родины.

Но не выйдет! Ужасная фашистская гадина скорей захлебнется своей собственной кровью. Ей никогда не удастся сломить боевой дух белорусского народа. На террор мы ответим террором. Мы будем уничтожать врага повсюду, где бы его ни встретили, пока не забьем осиновый кол в могилу последнего гитлеровского негодяя.

Белорусский народ ответит на этот террор новым пополнением армии партизан.

Пусть помнят фашистские разбойники, что за кровь лучших сынов белорусского народа они заплатят сотнями и тысячами своих поганных душ. Организацией массовых крушений военных

эшелонов, поджогами складов и мостов ответим мы на кровавый террор фашистов.

...Так к оружию, товарищи!

Помогайте уничтожать фашистскую погань!

Скоро Красная Армия вместе с армиями свободолюбивых государств сокрушительным ударом уничтожит гитлеровские орды и освободит вас от тирании Гитлера.

Смерть немецким оккупантам!

Да здравствуют народные герои — славные красные партизаны и партизанки!

Да здравствует победа!

Минский комитет КП(б) и командование Н-ской партизанской бригады.

Минск. 18. X. 42 г.».

— Вот здорово! — восхищался Жан, прочитав листовку. — Такую пилюлю подсунем гитлеровцам!

— Да, только печатать нечем, — ответил ему Володя.

— А чего не хватает?

— Кое-что из типографского оборудования мы припрятали. Можно сказать, что основное есть, но многих типографских материалов недостает, а без них листовку не сделаешь.

— Дело поправимое. Пошли.

— Куда?

— Говорю пошли. За материалами.

На Водопроводной улице Жан разыскал небольшой деревянный домик, в котором жил типографский рабочий, молодой, бойкий парень Ленья. Разговаривал без обиняков:

— Достанешь сегодня несколько букв этому товарищу?

— Ишь, какой ты быстрый, — спокойно возразил Ленья. — Как же я сейчас могу достать, если только пришел с работы. Вернешься в типографию, вызовешь подозрения. А что, так спешно нужно?

— Да, желательно не откладывать.

— Придется подождать до завтра. А какие буквы нужны?

Володя перечислил.

— Приходите завтра после работы, принесу.

Когда шрифты привели в порядок, оказалось, что нужна краска. Правда, краска имелаась, целая банка, но во время арестов ее прятали в землю, и в банку попал песок, испортился весь скудный запас. Опять пришлось Володе вызывать Жана.

— Может, еще что нужно, выкладывай сразу, чтобы по частям не возиться, — сказал тот, выслушав Володю. — И не

беспокойся, занимайся листовкой, а с остальным я сам справлюсь.

Он справился со всем, о чем просил его Володя: принес и краску и валик.

— За бумагой приходи завтра на Татарский мост, — сказал он Володе.

Как только Володя назавтра сошел с горки на Татарский мост, тут же словно из-под земли появился Жан. В руках он держал большущий сверток. Нес его легко, без малейшего напряжения. Подойдя к Володе, на секунду остановился.

— Крепче держи, тяжело! — предупредил он и передал сверток.

Да, груз был тяжелый, Володя едва удержал его. А Жан, как будто прогуливаясь, медленно пошел дальше. Они прошли совсем мало, как на мост выскочила легковая автомашина с фашистами.

Как бы уступая ей дорогу, Володя прислонился со свертком к решетке моста. Мельком оглянулся и заметил, что Жан тоже остановился и сунул руку в карман.

Но машина промчалась мимо. Жан вернулся к Володе, обнял за плечи и похвалил:

— Молодец, хорошо держался. До завтра! — и зашагал своей дорогой.

Наборщик Хасен Александрович напечатал тысячу экземпляров листовок. Жан забрал их и разнес подпольщикам, которые еще оставались на свободе. Приказал расклеить и разбросать листовки 23 октября в девятнадцать часов тридцать минут. Каждому установил район с таким расчетом, чтобы листовка попала во все уголки города. Фашисты должны почувствовать, что действует большая подпольная организация, которой не коснулись аресты.

Это задание было выполнено. Листовка вызвала огромную радость у мнчан и переполох в стане врага.

Забот Жану прибавлялось. Нужно было как можно больше людей переправить в партизанские отряды, уберечь от арестов. Продолжалась отправка в леса военнопленных из лагерей. Партизаны просили переслать медикаментов, надо было раздобыть их. Нужны им и новые сведения о размещении фашистских воинских частей в городе... А активных подпольщиков стало меньше: кто арестован, кто перешел в партизанские отряды. Многое приходилось делать самому.

К концу октября он выполнил самые неотложные дела и от-

правился в партизанскую бригаду «Дяди Коли». Пробыл там с полмесяца. Решил переждать, пока закончатся аресты.

Но отсиживаться долго в лесу нельзя было — в городе ждали люди, оставленные для продолжения работы. Подпольного комитета уже не было, руководить некому. Приходилось действовать по своему усмотрению.

Жить постоянно на одном месте теперь было опасно. Он ночевал то у Марии Долголантьевой, то у Александры Янулис на Подлесной улице, то на Революционной, где у него тоже имела-ся надежная явка, но самым спокойным местом оставалась квартира Марии Евдокимовой на Пушкинском поселке.

Однажды его разыскал Толик Маленький (Левков). Он уже успел побывать в партизанском отряде, отличился там и был направлен в Минск как связной.

Вместе они разработали план добычи оружия — Жану нужен был пистолет. Толик предложил укромное место — развалины возле стадиона «Динамо». Движение там бывает незначительное, а фашистские офицеры иногда прохаживаются из офицергайма, расположенного в бывшем Доме офицеров, в район Университетского городка, где находились их квартиры. Толик приметил это.

Засаду устроили втроем. В помощники себе взяли Гвиду Евдокимова — сына Марии Евдокимовой. Ему поручили наблюдение за окружающей обстановкой. В случае опасности он должен был подать сигнал.

Гвида засел в руинах на углу Комсомольской и улицы Кирова. Жан с Толиком стояли на тротуаре и делали вид, будто обсуждают что-то очень оживленно.

Снизу, от офицергайма, неторопливо шел гитлеровец. Издали было видно, что он — офицер. Шел величественно, задумался о чем-то, не обращал внимания на все окружающее. Даже двое парней, стоявших на пути, для него не существовали. Он двигался прямо на них, уверенный, что они непременно уступят ему дорогу.

И они уступили, Жан сделал шаг в сторону, Толик — в другую. Офицер и глазом не моргнул. Его не смутил даже пристальный взгляд Жана, который стоял совсем близко, засунув руки в карманы.

Удар финского ножа в бок был абсолютно неожиданным для него. В следующее мгновение Жан схватил его за плечи и сунул в раскрытый рот тряпку. Офицер не успел даже крикнуть.

Его моментально затащили в руины стадиона. Жан обыскал

карманы гитлеровца, вытащил документы, фотокарточки, пистолет. На пистолете заметил золотую планку.

— Прочитай, что тут написано, — попросил он Толика.

Разбирая по слогам, Толик молча шевелил губами, потом поднял на Жана обрадованно-удивленные глаза:

— Знаешь, какой зверь нам попался? Здесь сказано, что сам Гитлер дарит пистолет зондерфюреру за безукоризненную службу великой Германии.

— Вот так здорово! Давай сюда! Какая память будет!

Труп засыпали снегом и заспешили каждый на свою квартиру. Жан взял пистолет, а Толик — документы зондерфюрера, для отчета в отряде.

Фашистская контрразведка почти ежедневно видела следы Жана. Сам же он оставался неуловимым. В последнее время он окончательно обосновался на поселке Пушкина. С продуктами у Марии Евдокимовой было туговато, но ничего не поделаешь, надо как-то держаться, переждать лихое время. На днях он послал к партизанам связную Ирму Лейзер. На нее он возлагал большие надежды. Немецкий язык для Ирмы — родной и документы в порядке, фашисты не станут придирааться к ней. Из леса она должна привезти листовки, свежие советские газеты и продукты.

Жила Ирма по Академическому переулку.

Утром, надев длинное черное пальто, которое осталось от мужа Марии Петровны, Жан вытащил из-под подушки пистолет, подбросил на ладони и снова сунул под подушку. Видно было, что обдумывает, стоит ли брать с собой оружие. И не взял.

— Почему пиджак не надел, на рубашку пальто набросил? — спросила Мария Петровна. — Холодно на улице, простудишься...

— А тут близко, скоро вернусь...

Натянул шапку-ушанку на самые глаза, сгорбился, как-то постарел на глазах и шаркающими шагами направился к двери.

Идти ему и в самом деле было недалеко. Он уверенно переступил порог квартиры Ирмы, и тут же на него навалилось сразу несколько дюжих фашистов. Он долго отбивался руками, ногами, головой, грыз зубами, но его все же скрутили и потащили в «черный ворон», стоявший за углом.

Сначала в СД с ним обходились вежливо. У него не спрашивали, кто он такой.

— Можешь не отпираться, — говорил ему следователь СД, — мы знаем, что ты — Александр Бабушкин, что кличка твоя Жан.

И все твои дела против великой Германии у нас на учете... Начиная с сорок первого года. Хочешь, перечислим?

Да, многое из того, что он делал, они уже знали. Много, но не все. И самое главное, они не знали, кто же он на самом деле. Пусть так и будет, Александр Бабушкин.

Он упорно отказывался от всех обвинений. Тогда его стали бить. Били с ожесточением, со звериной злобой. Особенно злило их, что он не стонал, не просил пощады. И долго не терял сознания.

Когда и это не помогло, ему устроили очную ставку с Ирмой. Чувствуя, что выдала его она, Жан в мыслях возненавидел ее. Но перед ним предстала неузнаваемая Ирма: вся синяя от побоев. Она держала правую руку полусогнутой. Указательный палец был обожжен, вздулся от опухоли. Тогда Жан понял, каким нечеловеческим пыткам подвергли девушку.

— Прости меня, Жан! — воскликнула она, увидев его. — Не хватило сил... Прости!

Ирму вывели.

— Теперь, господин Бабушкин, надеюсь, не будешь записываться?

— Снова повторяю, я ничего не знаю, — спокойно ответил Жан.

— Ах ты, собака! — закричал следователь Фройлик.

Пытки начались сначала.

Повторялись и очные ставки с арестованными подпольщиками. По вопросам следователя Жан понял, как схватили Ирму. Задержали ее полиция. От немцев она отговорила бы, поболтав по-немецки, а эти тупоголовые ничего не хотели понимать. Один из них нащупал у нее за пазухой записку, написанную открытым текстом и адресованную Жану. Один из партизанских командиров просил Жана достать нагановских патронов. Глупая записка, глупо направлена, по-глупому попалась Ирма и потянула за собой Жана... Теперь он не столь сурово судил ее, больше винил того, кто написал и отправил с неопытной связной такую бумажку.

На одной из очных ставок с Жаном Ирме предложили дать согласие работать агентом СД, идти в партизанский отряд и передавать оттуда сведения.

Ирма вопросительно посмотрела на Жана.

— Делай, что говорят, поняла? — сказал он и еле заметно подмигнул.

Она поняла: идти в лес и доложить, что и как случилось.

Иного выхода нет. Все равно фашисты расстреляют и ее, и мать, и сестру. Да и там, на воле, не будут знать, что произошло. Жан прав, надо идти и искупить свою вину перед советским народом.

Она согласилась. Теперь Жан был уверен, что там, в партизанской бригаде, станет известно о нем.

Пытки продолжались еще долго. Но это, видимо, надоело палачам. Они бросили его в подвал СД и как будто забыли. В подвале этом содержались только арестованные сотрудники СД — чем-то не угодившие начальству. Это была как бы гауптвахта. Начальником ее состоял латыш, хорошо говоривший по-немецки, и в соседней камере сидели латыши. А убирали гауптвахту молодые еврейки из гетто — сестры Фрида и Роза. Их ежедневно пригоняли сюда на работу и вечером в колонне таких же чернорабочих вели обратно в гетто.

Все это Жан понял, чутко прислушиваясь к разговорам за дверью. На Фриду он и возлагал большие надежды. Он видел, что она симпатизирует ему. Убирая и подмывая камеру, оставляла воду на полу. А для него, уже несколько дней не получавшего ни глотка воды, это было единственное спасение. Потом вдруг, незаметно для начальника охраны, сунула ему в руку записку. Сначала он не поверил ей, хотел даже швырнуть бумажку, думал, что это провокация, но девушка так выразительно посмотрела на него, что он зажал записку, и когда Фрида вышла и закрыла дверь, припал к щелочке и прочитал.

Сомнений не было, записка от Шуры Янулис. Молодцы подпольщики, даже сюда, в страшный застенек СД, нашли возможность проникнуть! Это несказанно обрадовало Жана и вселило надежду, что он еще выберется отсюда.

Фрида тайком передала грифель от карандаша и несколько маленьких клочков бумаги. Теперь он может переписываться с товарищами, работающими на воле.

В конце февраля он передал через Фриду записку:

«Дорогие! Я жив и здоров. Прошу своих инициалов не ставить и меньше путать с друзьями, учтите, никакая дипломатия меня не спасет». И тут же инструкции — как и что делать, как кому держаться.

Марии Евдокимовой приказал сидеть дома, держать язык за зубами и гнать в шею всяких «Т» (имелся в виду Анатолий Филипенко, потом оказавшийся предателем), «а то они ей пастухов приведут, и для меня будет лишнее страдание», «и быстрее выполнять мои просьбы».

«Прошу убедительно подобрать такой ключик: он плоский, от наших стандартных замочков». И нарисовал форму ключа. «Замок самозакрывающийся — стандартный».

В голове рождалось множество планов — один нереальнее другого. Все их он отбрасывал и продолжал искать такой, который был бы по силам, но о возможности его чтобы не предполагали гитлеровцы. На всякий случай попросил: «И еще прошу убедительно прислать крестик на шею обязательно. Попробую святым быть перед дьяволами. Извините, пишу почти в темноте».

Дня через три Фрида передала Александре Янулис еще одно письмо:

«Дорогие! Всех крепко целую. «М. Пет.» (имелась в виду Мария Петровна Евдокимова) я просил, чтобы ничего никому не давала. Вы у нее должны были узнать, дала ли, и пусть гонит в шею «Т» и им подобных. С Сем-ном (Семен подпольщик, фамилию которого еще не удалось установить) можете сдружиться, но прошу — на квартиры ни вы, ни он. Он и будет давать сводки, ему привет и пусть мое бережет (Жан имел в виду оружие, которое он собрал для отправки партизанам). Он нужный и хороший. «Э» — сестра Ирмы, ее пусть возьмут в лагерь.

Нужно для любого плана:

1) замаскированная куртка... безопасная бритва и нитка с иголкой черная и решимость ее (он имел в виду Фриду. — *И. Н.*). Ей дам указания. Ей подберите квартиру, чтобы было где перебыть дня два-три.

Мне готовы сапоги 43 размер, и пиджак хороший, и денег. И быстрее с ключом делайте. Она сама должна подобрать. Ее поддерживайте, что ей нужно. На этой неделе должны решить. Все получил, еще что-то есть у нее.

Крепко обнимаю.

А вы по тому образцу ей заготавливайте».

Тот план, который он разработал в типичной изолированной камере, в самом деле был прост и требовал только дерзости. Подпольщики подбирают замаскированный халат с масляными тряпками в кармане, пиджак, сапоги и ключ от камеры, передают Фриде. Она приносит все это с собой и прячет в уборной за трубу. Начальник охраны доброжелательно относился к ней, иногда оставлял одну, а сам уходил обедать. Она была хозяйкой на гауптвахте. Когда начальник уйдет, Фрида осторожно, чтобы не слышали сидевшие на гауптвахте сотрудники СД, открывает камеру и выпускает Жана. Он быстро скрывается в уборной,

надевает халат, туфли, вымазывает лицо масляными тряпками и выходит во двор, где работают пригнанные из гетто мужчины-евреи. В конце дня в колонне евреев он выходит за ворота СД, а там уже и свобода. Вместе с Фридой они прячутся на подпольной квартире, пока Жан свяжется с нужными людьми, а потом перебираются в партизанский отряд.

5 марта он писал на волю:

«Дорогие! Все должно быть готово. Пусть будет и комбинезон, пилотка или халат. Займите у соседа напрокат, пришейте латы (в то время все евреи обязаны были носить латы. — *И. Н.*), только слабо, но все нужно очень быстро. Главное, боюсь за нее, она трусовата, а без нее все пропало. Она должна в один из моментов открыть, выпустить меня и все! А дальше все сам. Получил все.

«С» верьте, как и мне!..

Прошу смотреть: где поезд из развалин проходит в Дом правительства, есть кто-нибудь? И самое главное, в тот же день и ее взять, а пока нажать, доказать о нашей совместной гибели рано или поздно, что люди много хуже делают, а она молодец все же.

Присылайте, что раньше просил.

Будьте здоровы. Целую».

Жан понимал, что Фрида девушка хорошая, душевная, что она искренне сочувствует ему. Даже помогает, чем может в тех условиях. Уже сколько дней фашисты не дают ему ни воды, ни пищи, рассчитывают, что это сломит его. Только Фрида тайком поддерживает — то воды плеснет под дверь, когда моет пол, то передаст плитку шоколада, который пересылала ему с воли Александра Янулис. А вот на решительный шаг, чтобы помочь ему бежать, она не решалась, хотя и понимала, что все равно ей придется в числе других идти на расстрел.

В душе Жан возмущался такой трусостью. Если выбора нет, если остается только один шанс на спасение, то как же можно отказываться от него! Нужно каждым мускулом, каждой клеточкой своего организма бороться за жизнь, а не ждать покорно, пока тебя как овцу поведут на убой.

Но, кроме как на нее, надеяться не на кого. Она — единственный человек, кто мог бы помочь ему бежать. Вместе с ним она спаслась бы сама. Он об этом заботился не меньше, чем о собственном спасении. Надо было всячески подбадривать ее, толкать к подвигу.

Ей написал:

«Дорогуша! От всего сердца благодарю, милая! Ты знаешь, будь груба с арестованными, ругай, не открывай, чтобы он (начальник охраны. — *И. Н.*) в тебе больше был уверен, а он, душень, любит, кто с нами груб. Побольше кокетничай с ним.

Дальше прошу больше воды, ведь вода это и пища моя. Меня удовлетворяет внизу... Тут я все вытираю. У тебя есть возможность положить и хлеб или еще что-нибудь наверх к решетке или просто бросить. Если бы ты его обработала и была бы камера свободна на той стороне, было бы очень хорошо для плана. Ну, а если нет, то и так пройдет.

Прошу, дорогуша, будь смелее и решительнее.

Крепко целую. План завтра утром».

Пытка жаждой продолжалась. Силы Жана постепенно иссякали. А Фрида все не решалась на окончательный шаг. Жану нестерпимо хотелось пить. Он написал ей:

«Дорогуша! Прошу убедительно достать мне обязательно и немедленно резиновой трубки 25—30 сантиметров. Без воды **умираю**. И будь смелее, латыши сами помогают. Когда моешь пол, заранее ставь банку с водой на окно и мне плесни под дверь, я хоть с пола. Когда они меня в уборную погонят, в это время можно и хлеб и воду под подушку».

Товарищи на воле собирались подкупить следователя СД и таким путем добиться освобождения Жана. Сообщили об этом ему. Он категорически отверг такой ход. «Прошу ни о каких следователях не мечтать», — приказал подпольщикам. Ему лучше было видно, можно ли подкупить тех, кто сначала истязал его в комнате пыток, а теперь морит голодом и жаждой. От таких извергов не откупишься, только засыплются те, кто попытается дать взятку.

Начались очные ставки Жана с новыми арестованными. Среди арестованных были Борис и Гвида Евдокимовы, Зина, работавшая в лазарете СС.

В одной из записок, переданных в это время, Жан писал:

«Сообщите, к ним в руки что попало. Я очень и очень огорчен вашим поведением. С двумя я уже виделся, а остальных слышал, как вызывали. Ну, родные, если погибну, то **не подлецом**, а за Родину, за народ... Крепко всех обнимаю и целую».

Надежда на то, что Фрида поможет убежать, постепенно угасала. Оставалось одно — умереть с честью. В последней записке, переданной из застенков СД, говорится:

«Пусть она (имелась в виду связанная с партизанским отрядом. — *И. Н.*) узнает, что они (партизанские командиры. — *И. Н.*)

обо мне говорят и какого мнения, и пусть передаст — умру, а подлецом не буду!

Ну, в отношении меня затишье. Я полагаю так, что нового они не добились, все попытки не увенчались успехом и решили, видимо, просто 1 мая вывесить как «подарок» для народа. Ну пойми, как иначе? Ведь ни одного человека они не получили, а против меня материал с 41 года и довольно-таки солидный.

А как мне поступить? Ведь я решил твердо: всю свою жизнь посвятить борьбе с врагами всего прогрессивного человечества, за народ, за Родину! И вдруг, когда приходится отдать жизнь, стать подлецом?.. Ты говоришь, еще мало поработали и жизнь нужно беречь, ну а если нет выхода, и чтобы мое имя не было опозорено будущими счастливыми! Вот и нужно так вопрос и ставить — умереть, так с музыкой!

...Ну, что ты молчишь в отношении Родины, дай знать о ней... Тревоги слышу, и для меня это большой и приятный концерт».

Вскоре после этого письма Фрида видела, как его повели из камеры. Шел он высокий, страшно худой, заросший, со впалыми, горящими глазами и гордо поднятой головой. Видно, ему хотелось, чтобы Фрида заметила, как идет он на смерть, оставшись верным себе, своей великой идее, своим боевым друзьям, чтобы она не только сама заметила это, но и передала бы на волю: подпольщик Жан достойно принял смерть.

В камеру его уже не вернули.

* * *

Он ушел почти на два десятилетия. Только близкие друзья, бывшие подпольщики, вспоминали его. Да и то одни вспоминали Жана, другие — Сашку, третьи — Александра Бабушкина, четвертые — Александра Назарова. И никто из них не имел полного представления о всех боевых делах этого человека, потому что они думали, что и Бабушкин, и Назаров, и Жан — разные люди.

Стараниями следопытов Жан вернулся в Минск. Но вернулся уже не живой, а как символ, как образ непокоренного минчанина. О нем узнала вся страна. Его именем названа одна из улиц столицы Белоруссии. Многие пионерские дружины соревнуются за право носить имя бесстрашного Жана, человека большого сердца Ивана Кабушкина.

Сейчас невольно вспоминаются его слова, дошедшие до нас

из застенков СД: «...чтобы имя мое не было опозорено будущими счастливыми...»

О чести имени своего, о чести Родины своей думал этот человек, принимая мученическую смерть. Потому имя его вспыхнуло сейчас ярким пламенем, чтобы больше никогда не затухать, чтобы продолжаться в делах, в думах, в характерах последующих поколений.

Иван НОВИКОВ